

Экспертиза средств и методов обучения в условиях образовательного учреждения

Алексей Кушнир

В России исторически сложилась странная ситуация с экспертизой средств и методов обучения. Достаточно сказать, что в стране нет ни одного специализированного института, способного провести независимую научную экспертизу учебника или метода обучения.

Институты РАО и Минобрнауки такую экспертизу не осуществляют, и не могут осуществлять по определению, поскольку сами являются производителями такого рода продукции. В далёком прошлом в научно-педагогическом сообществе существовало понимание несовместимости этих функций. Для институтов и специалистов АПН действовал запрет на разработку учебников, например. Научный штаб отрасли должен был оставаться беспристрастным. Сегодняшняя ситуация, когда РАО наделена полномочиями проводить экспертизу и одновременно сама является производителем средств и методов обучения, недопустима как с позиций научной этики, так и с позиций рыночной экономики. Поэтому, скорее всего, она просуществует до первой жалобы в антимонопольное ведомство.

Федеральный экспертный совет в том виде, в каком он существовал до недавнего времени, осуществлял принципиально другой тип экспертизы, не имеющий к науке иного отношения, кроме наличия учёных степеней у экспертов. Достаточно ознакомиться с документацией ФЭС, чтобы не питать никаких иллюзий в отношении как научности, так и независимости экспертизы в данном учреждении. Негосударственных экспертных институтов у нас пока нет. В итоге, фактическая ситуация такова, что наши дети подвергаются в школе воздействию учебников и других средств обучения, находящихся вне научного поля. Это не означает, что они плохи, из сказанного следует, что они не были подвергнуты научному анализу и научной проверке. Параметры такой проверки можно обнаружить в любом практикуме по эксперименталистике для студентов педвузов или психологических факультетов. Там же можно ознакомиться и с практикой обеспечения независимости экспертизы, и с приёмами научного анализа экспериментальных данных. Экспертиза же «от ФЭС» напоминает скорее обмен мнениями уважаемых людей.

Последняя дискуссия, развернувшаяся в обществе по этому поводу, в очередной раз свелась к спорам об адекватности передачи учебниками научной картины мира с позиций физики, математики, истории, лингвистики и т.п., то есть к предметоцентризму, что само по себе является крупнейшей методологической ошибкой. Предметные лобби бьются за академические часы, и нельзя не отметить недавний крупный успех в этом смысле преподавателей английского, добившихся введения обязательных часов иностранного в начальной школе. Мотивировка этого откровенно антирусского и антироссийского действия сколь лукава, столь

же и лжива. Когда говорят, что английский — это ключ к жизненному успеху, то забывают добавить, что это успех в сфере обслуживания. А также умалчивают о том, что 98 % успешных людей обязаны своими успехами воле и трудолюбию, а не английскому. Когда говорят, что английский — это ключ к информационным сокровищам, то забывают, что создать и внедрить повсеместно системы автоматизированного перевода куда дешевле, чем обучать миллионы детей чужому языку, или что эти же сокровища имеются и на родном. По крайней мере, применительно к масштабу одной человеческой жизни, русскоязычный информационный ресурс неисчерпаем. Когда говорят, что ранний школьный возраст сензитивен для освоения языка, забывают уточнить, что он сверхважен и для освоения родного языка, а также для освоения прочих, не менее важных, чем английский, умений и навыков. Это ведь и смех, и грех: косноязычные (на родном языке) чада бубнят английские фразы. Им и на родном-то языке не о чем говорить, что толку учить пустую голову английскому? Чтобы оно, это чадо, могло пустые фразы ещё и на английском?.. Ещё неплохо было бы уточнить, что если использовать те же часы в начальной школе на родной язык, но давать его столь же креативно и завлекательно, как дают английский, а в старшей школе увеличить часы на английский в том же объёме, то результат в английском будет не хуже. При чём же здесь сензитивность? А вот причём: ребёнок в этом возрасте сензитивен для переидентификации: это путь сделать так, чтобы десятилетний мальчишка из Тынды мог назвать пять великих озёр в Северной Америке, но при этом понятия бы не имел, как называются два ближайших притока реки Тынды. Чтобы он спал и видел сытую жизнь в Канаде и тихо ненавидел свою неустроенную жизнь в Тынде. А самое главное, чтобы сама мысль обустроить жизнь в родных местах ему и в голову не пришла.

Всё это не праздные рассуждения. Они не бесспорны. Но и аргументы тех, кто втаскивал английский в начальную школу, тоже не бесспорны. И именно поэтому нужна была всесторонняя междисциплинарная научная экспертиза предполагаемых действий. Её не было! Некую видимость научного обоснования и экспертизы создавали те, кто и стремился данную диверсию осуществить. Нет, повторюсь, ни такого института, ни такой практики. Доверять, соответственно, грифам типа «Рекомендовано Министерством образования...» нет никакой возможности. Гриф есть, а экспертизы нет!

Государственная экспертная служба в системе образования должна быть построена по типу любой другой исследовательской деятельности. Разработчики средств и методов обучения должны бороться за гранты на их разработку, а организации, имеющие необходимые опыт и инфраструктуру, должны бороться за гранты на осуществление экспертизы этих разработок. Причём было бы полезно ограничить предельные сроки непрерывного осуществления такой деятельности.

А что делать, пока такой службы — независимой и беспристрастной, способной, если надо, осуществить независимую апробацию перспективного образовательного инструмента, нет и в помине? По меньшей мере, исповедовать профессиональную честность. Попытаюсь пояснить на примере. Разбираем с учителями банальнейший сюжет. Уточняем, что известно в психофизиологии и психологии о функциональной асимметрии коры головного мозга. Выясняем, что существуют лево- и правополушарные дети, но более общим признаком является то, что все дети двуполушарны. Выясняем также, что и методы обучения, и способы представления учебной информации ориентированы на левополушарные процессы, и задаём вопрос районному психоневрологу: «Что происходит, когда на протяжении многих лет депривируется функционал правого полушария и перегружается левое?». В ответ доктор описывает до боли знакомую каждому учителю симптоматику и приводит ужасающую, но реальную статистику заболеваний, развивающихся из психосоматических расстройств. Затем на медицинском языке врач раскрывает механизмы ухудшения здоровья на почве игнорирования природного строя человеческой психики. Вырисовывается картина: учитель дено и ношно при помощи методик и учебников ухудшает здоровье

детей. Вопрос: за что же мы так ненавидим их? Ответ: мы не виноваты, это нам дали такие учебники, такие методики...

Самое страшное для нас в том, что, когда мы даём учителю альтернативный метод, гарантирующий, что требование «не навреди» будет выполнено, учитель продолжает работать по-старому, заведомо нанося ущерб детям, но ссылаясь на запрет вышестоящих инстанций использовать методику, на которой нет грифа «Рекомендовано».

Профессиональная честность в данном контексте состоит в том, чтобы не прятаться за спущенные сверху программы и рекомендованные учебники, а быть на стороне ребёнка. И это вопрос даже не научной компетентности, а вопрос нравственности и гражданского мужества. Хочется верить, что у нас, в России, в системе образования, рано или поздно, но появится такая экспертная служба, которая будет отстаивать интересы детей, а не интересы издательских монополий. Позиция эта должна вытекать не из учредительных деклараций, а из самой функциональной архитектуры службы. Пока же будем делать, что должно!

В тестовых целях автор пытался предлагать действующим государственным научным центрам провести экспертную апробацию эффективных методов обучения, разработанных независимыми специалистами. Ответ однозначный: «Зачем мы будем заниматься чужими методиками, если у нас есть своя лаборатория по профилю, разрабатывающая свои технологии?» Даже подавляющее превосходство сторонних разработок не является аргументом в пользу их изучения. В таких условиях и независимые исследователи, и учителя нуждаются хотя бы в каких-нибудь критериях научного качества средств и методов обучения, которые позволят, пусть приблизительно, отделять педагогические зёрна от плевел.

Мы предлагаем вам здесь достаточно простую процедуру школьной экспертизы, которая позволит выделить добросовестную проектно-педагогическую работу из потока педагогических поделок. Это будет оценка «на глазок», но она не позволит вам вольно или невольно нарушить важнейшую заповедь врачующего и воспитывающего «не навреди».

Всякая педагогическая технология имеет дело с человеком, является инструментом воздействия на человека, и поэтому должна опираться на научные достижения человековедческих наук. Одним из конструктивных подходов к экспертизе педагогических технологий и средств обучения может быть соотнесение способа действия с известными, общепризнаваемыми закономерностями природы человека, установленными науками о человеке — биологией, психологией, генетикой, физиологией, психофизиологией, нейрофизиологией, нейропсихологией и др. Основой эффективности педагогической технологии в этой логике является степень закономерности педагогического действия относительно закономерностей природного устройства человека.

Например, педагогические действия или информационно-содержательные материалы, взятые вместе или по отдельности, могут быть соотнесены с тем, что в норме психика проявляет себя целостно, поэтому в наиболее общем случае педагогический процесс должен быть адекватен двухполушарности человеческого мозга, а не пытаться подстраиваться под доминирование правополушарных функций у одних и левополушарных — у других. В этом случае технология опирается на наиболее общую закономерность, а не на учёт «особенностей».

Как одну из общих закономерностей психогенеза можно рассматривать тот факт, что успешный, комфортный для человека режим деятельности характеризуется доминированием произвольных процессов по отношению к произвольным. Это соотношение в норме составляет, примерно, 80% — произвольность и 20 % — произвольность. Такое соотношение и следует закладывать в общих педагогических технологиях, если, конечно, они не преследуют цели специальной тренировки или умышленного причинения вреда здоровью. При экспертизе необходимо учесть общее или специальное назначение технологии и адекватность нагрузки на произвольный функционал психики.

Важнейшим регулятором человеческой деятельности является мотивация. По соотношению внешней и внутренней мотивации деятельности также можно судить о научном качестве педагогической технологии. Если технология обучения выстроена на внутренней мотивации ученика, она гарантирует успех, преобладание принуждения ведёт к разрушению деятельности. Оптимальное соотношение мотивации «хочу сам» и «меня вынуждают» находится в пределах 80% к 20%. Нельзя признать систему обучения научно состоятельной, если учащийся действует, преимущественно, по принуждению.

К числу наиболее используемых в педагогике понятий можно отнести «возрастную сензитивность психики». Учащийся может быть сензитивным или несензитивным для конкретных видов информации, способов её представления и способов деятельности. Трудно считать научно обоснованными педагогические действия, когда ребёнку предлагается делать то, что в данном возрасте у него не получается, и тем самым транжируется время, которое можно было бы посвятить тому, что буквально впитывается и идёт в рост в данном возрасте. Примером игнорирования возрастной сензитивности является «кормление» младших школьников грамматикой в больших дозах. Существует целая педагогическая традиция действовать вопреки сензитивности, настаивая на «развитии» качеств и способностей, время которых ещё не пришло или ушло безвозвратно. В итоге — навсегда утраченные возможности: то, что могло раскрыться, будь то минимальные возможности, не раскрылось, а то, что пытались развить насильно, проявилось в пределах среднестатистической нормы.

Важным критерием научного качества педагогической технологии является соотношение самостоятельности и несамостоятельности в деятельности учащегося. Поскольку оптимальное соотношение этих параметров деятельности весьма индивидуально, наиболее общим признаком педтехнологии следует считать наличие возможности для учащегося свободного дрейфа между самостоятельностью и зависимостью в учебной работе. Примером безграмотного конструирования учебного процесса является навязывание ребёнку работы в «зоне ближайшего развития», где, согласно Л.С. Выготскому, ребёнок не может осуществлять деятельность самостоятельно, но может с помощью взрослого. Преобладание «зоны несамостоятельности» в ущерб процессам, которые ученик может осуществлять сам, деформирует личность в сторону зависимого или протестного поведения. Признаком грамотного проектирования технологии обучения в данном аспекте будет наличие возможности для ученика свободного выбора меры самостоятельности и несамостоятельности.

Критериями, относительно которых оценивается научность педагогической технологии, могут быть и более частные факты психогенеза, установленные научными методами. В качестве примера обратимся к феномену разницы в качестве запоминания завершённого и незавершённого действия (эффект Б.В. Зейгарник). Установлено, что незавершённое действие запоминается легче и прочнее. Если в конкретной педагогической технологии запоминанию отводится существенное место, то игнорировать эту известную психологическую закономерность по меньшей мере странно. Взгляд на педагогическую технологию с позиции данного феномена сразу же открывает уровень научной компетенции разработчика.

В качестве критерия научности педагогической технологии может быть использована любая научно установленная закономерность изменения и проявления человека в онтогенезе и в жизнедеятельности. Набор уместных критериев должен происходить из назначения и алгоритмов конкретной технологии. Мы предложили наиболее универсальные критерии, содержательный смысл которых известен всем профессиональным педагогам и даже студентам педвузов. Принятие и непринятие разработчиком технологии в расчёт перечисленных закономерностей психогенеза буквально лежат на поверхности, что позволяет пользователю, не имеющему научной квалификации, самостоятельно оценить технологию, не прибегая к услугам экспертов:

- Технология опирается на вербальные левополушарные процессы и игнорирует двухполушарное устройство человеческого мозга — она явно ненаучна и, скорее всего, вредна для здоровья!
- Работа выстроена на произвольных трудозатратных процессах — технология ненаучна и вредна для здоровья!
- Преобладает принуждение, отсутствует внутренний интерес — технология ненаучна и вредна для здоровья!
- Ребёнка загружают тем, к чему психика в данном возрасте несензитивна — технология ненаучна и вредна для здоровья!
- Нет свободного перехода между «зонами» самостоятельной и несамостоятельной деятельности — технология ненаучна и социально опасна.
- Учебные действия выстроены в логике завершённого действия — технология ненаучна.
- Формулировка «технология ненаучна», возможно, режет утончённый академический слух. Тогда можно воспользоваться словами: «разработчик некомпетент!».

Кушнир Алексей Михайлович,

главный редактор журнала «Народное образование», кандидат психологических наук